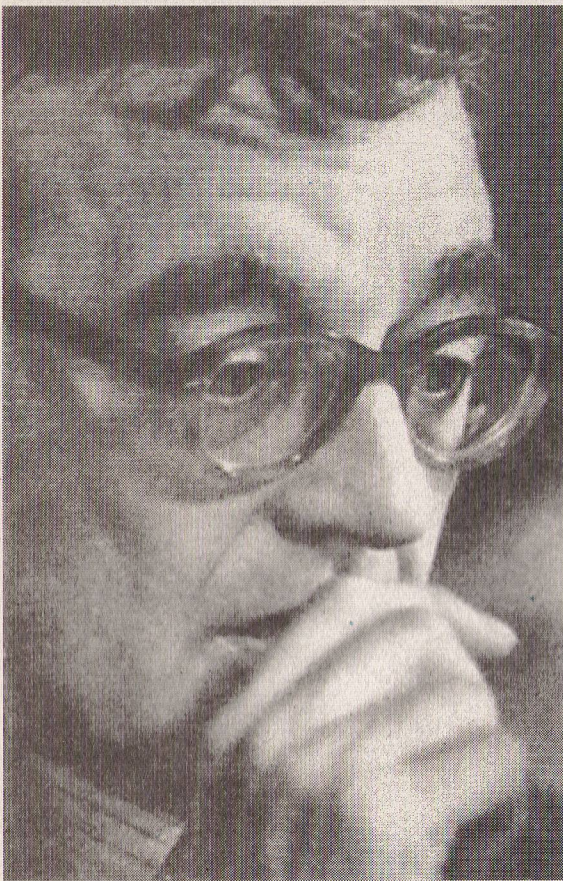

ВРЕМЯ И МЕСТО

Чемоданчик у дверей

Горькие слезы Дмитрия Шостаковича

Жизнь Шостаковича протекала на фоне постоянно меняющихся оценок его творчества.

Фото из книги «Ростропович и его современники»

В ПОНЕДЕЛЬНИК, 25 СЕНТЯБРЯ, ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА.

ДО СИХ ПОР МНОГИЕ ФАКТЫ ИЗ ЖИЗНИ КОМПОЗИТОРА ОСТАЮТСЯ ТАЙНОЙ.

Татьяна Крицкая

Позади советские времена, выразаться можно вполне открыто. Но по-прежнему многое донесено до нас в искаженном виде, подчищено и подправлено советскими чиновниками, музыковедами, да и самим Шостаковичем.

Как он стал коммунистом

Всем тогда приходилось прятаться, маскироваться – по сути, жить двойной жизнью. Первая жизнь – внутренняя, мир настоящих мыслей и чувств – жизнь души. Вторая – публичная, для государства, с уверениями в лояльности режиму. Вторая жизнь была необходима для существования первой. Наглядная иллюстрация второй жизни советских музыковедов – книги и статьи о Шостаковиче доперестроечного периода. Все они изобилуют классической официальной ложью и звонкими фразами о «великом советском композиторе, благодарном Коммунистической партии за ее неустанную заботу и мудрые воспитательные меры».

Вот строки из официального некролога – образ композитора, угодный государству: «Верный сын Коммунистической партии, видный общественный и государственный деятель, художник-гражданин, Д.Д. Шостакович всю свою жизнь посвятил развитию советской музыки, утверждению идеалов социалистического гуманизма и интернационализма в борьбе за мир и дружбу народов...»

А «верный сын» вступал в партию под откровенным нажимом властей, после настойчивой проработки со стороны знающих свое дело органов.

В своих воспоминаниях близкий друг композитора Исаак Гликман пишет, что Шостакович сделал все, чтобы не вступать в партию, загубившую столько людей. Пробовал даже «прогулять» роковое партсобрание, спрятавшись в квартире сестры. В состоянии тяжелой депрессии он постоянно повторял: «Они давно преследуют меня, гоняются за мной...» Композитор Абрам Ашкенази, присутствовавший на принятии Шостаковича в партию вспоминал, как тот, явля зачитывавший казенный текст по бумажке, вдруг внезапно повысил голос: «Всем, что во мне есть хорошего, я обязан...» – все ожидали ритуальной концовки: «...Коммунистической партии и Советскому правительству!» Вместо этого Шостакович зашпунел, но договорил: «...моим родителям!» После собрания коллеги впервые увидели его горько плачущим.

Два Шостаковича

В 1979 году непорочный, но такой фальшивый образ «верного сына» был сильно «подпорчен» вышел-

на по многим причинам, в том числе и потому, что и в ней не все вызывает доверие. Возможно, в желании произвести сенсацию, ее автор и сгущал краски. Однако это была первая книга, возвестившая миру о совершенно другом Шостаковиче.

Всесильная партия была озадачена. На бомбу нужно былоотреагировать. В спешном порядке был подготовлен сборник «Шостакович о времени и о себе», состоявший из статей, интервью, выступлений композитора разных лет. В этой книге верный ленинец Шостакович бодро вещал на ортодоксально-социалистическом новоязе: «Советский народ вновь приступил к мирному строительству, поставив перед собой задачу развертывания всех творческих сил страны, выполняющей величественный план новой пятилетки».

Не правда ли, трудно читать не поморщившись? Особенно если учесть, что написаны эти слова были в 1946 году, когда постановлением «О журналах «Звезда» и «Ленинград» ЦК ВКП(б) был распотан ближайший друг композитора Михаил Зощенко и заклеимена позором «мещанка» Анна Ахматова.

К счастью, Шостакович не имел к этим звонким фразам ни малейшего отношения.

Его друзья неоднократно подтверждали – после 36-го года он писал только ноты и личные письма. Ни одной строчки о «величественных планах пятилетки» ему не принадлежало. Ни одной! Все статьи, доклады, выступления были сфабрикованы опытными советскими журналистами по приказу сверху. Шостакович подписывал их, часто даже не читая, – а зачем, если ничего нельзя изменить? Впрочем, что-то он все-таки мог. По наблюдениям известного музыковеда Даниила Житомирского, в эти моменты Шостакович говорил скороговоркой, невнятно, без знаков препинания. «Он был похож на малограмотного школьника, который отвечает по шпаргалке нечто ему совершенно непонятное». Как это было не похоже на Шостаковича, который в личном общении говорил очень артикулированно, выразительно, остроумно, с меткими афоризмами, о которых вспоминают все его близкие. Читая по бумажке, он подчеркивал свою непричастность к официальной трескотне, которую писали за него, поручая ему лишь озвучить.

что Симфония № 11 была прямым откликом Шостаковича на подавление венгерских повстанцев советскими войсками в 1956 году. Шостакович дал симфонии название «1905 год» и приурочил ее к 40-летию Октября. А в музыке – грохот орудий и лязг танковых гусениц. По меткому выражению музыковеда Генриха Орлова, Шостакович умел «делать успокоительные жесты наблюдателям, тайно передавая на волю свои истинные мысли».

Другой пример – Седьмая симфония, написанная в 1941 году и получившая название Ленинградской. Казалось бы, всем известно: эта симфония рисует ужасы войны, фашистского нашествия. Но Шостакович начал сочинять Седьмую задолго до войны. Не могла она быть простым откликом на вторжение Гитлера – это лишь локальное ее значение. И действительно, в книге Волкова мы находим слова Шостаковича, указывающие на более глубокий смысл: «Сочиняя тему нашествия, я думал о совсем другом враге человечества. Разу-

кого юмора композитора: в самом деле, хотела ли Родина хоть что-то слышать или знать?

Потом была «оттепель». Все преступления советской власти объяснены «культом личности», то есть попросту свалены на Сталина. Был взят курс «на восстановление ленинских норм партийного руководства». Вот уж утешение! Зазвучали призывы высказываться открыто, безбоязненно. Появились диссиденты. В 1962 году Шостакович решается выступить открыто – своей Симфонией № 13. Это особый, свойственный именно Шостаковичу жанр: симфония с вокалом. На этот раз композитор взял стихи Евтушенко:

Умирают в России страхи,
Словно призраки прошлых лет...
Я их помню во власти и силе
При дворе торжествующей лжи.
Страхи всюду как тени скользили...
Где молчать бы – кричать приучили,
И молчать – где бы надо кричать.

Бдительное ухо партии внимательно вслушивалось в каждое произведение. Среди цензоров была даже такая специальность – аллюзионист, специалист по намекам

меется, я ненавидел фашизм. Но не только немецкий – ненавидел всякий фашизм».

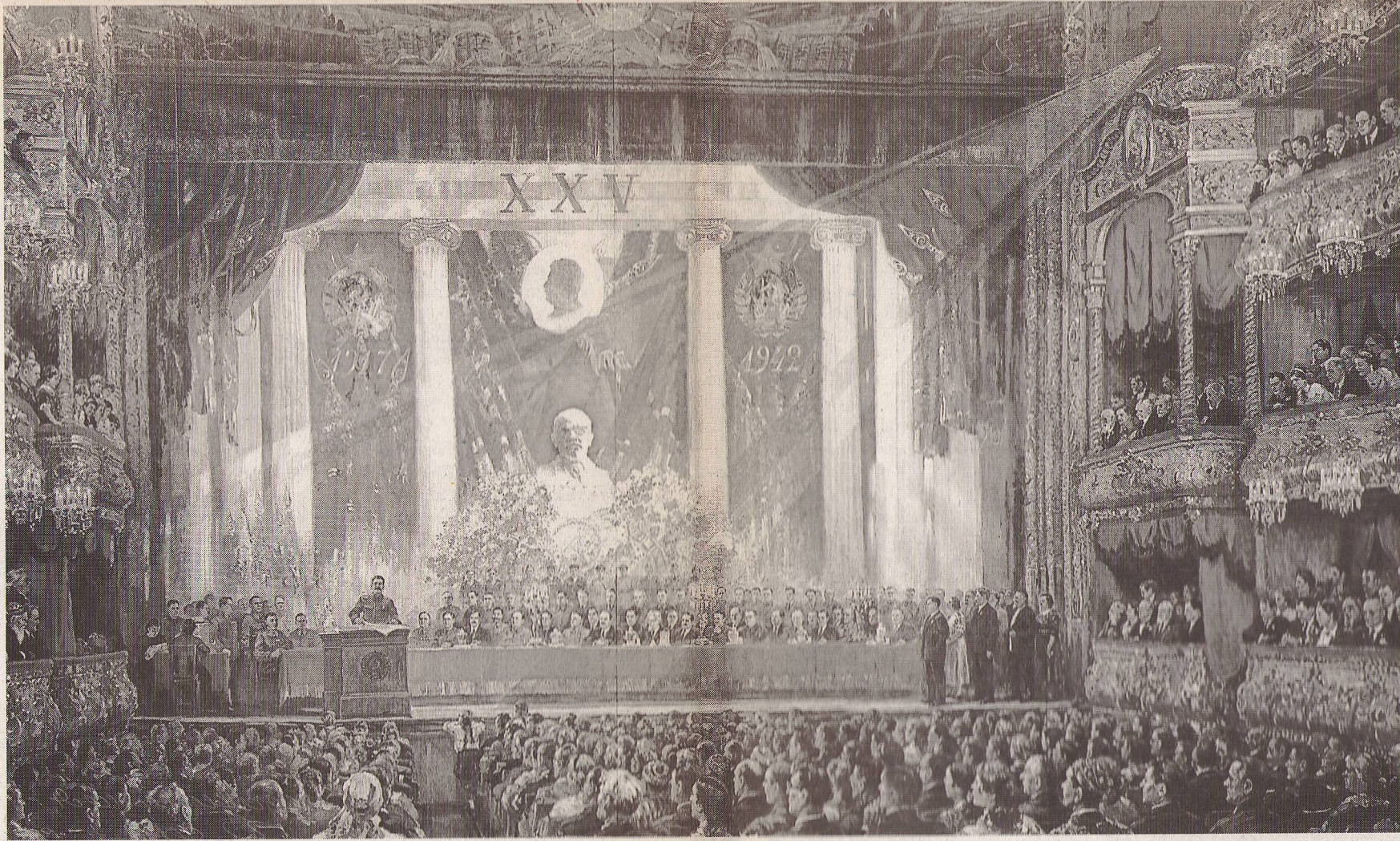
Шостакович – единственный во всем советском искусстве, кому в 30–40-е годы удалось описать неприкрытую реальность, выразить свои настоящие мысли и чувства. Такое было возможно только в музыке, да и то лишь потому, что в ней был Шостакович. Удалось это и Солженицыну, только много позднее.

Кривая успеха

Жизнь Шостаковича протекала на фоне постоянно меняющихся оценок его творчества. Кривая успеха

Но для хрущевской «оттепели» этот текст оказался чересчур смелым – сверху потребовали изменить слова. Симфония была исполнена с большими трудностями, долго не публиковалась. Стало ясно, что оптимизм Шостаковича преждевременный.

Оттепель сменилась резким похолоданием. К концу 60-х уже были и аресты за самиздат, и вынужденные эмигранты, и диссидентов уже отправляли в «психушки». В атмосфере вновь чувствовался тот душный страх, с которым Шостакович поспешил распрощаться в 13-й симфонии. Казалось, что вернулись те сталинские времена, во время которых были арестованы сес-

Внимают Сталину. Среди тех, кто изображен на этой картине, есть и Дмитрий Шостакович.

Александр Герасимов. «Гимн Октябрю». 1942

Тайный язык

В те времена сказать правду было нелегко даже в музыке – это требовало большой смелости и изобретательности. Бдительное ухо партии внимательно вслушивалось в каждое произведение. Среди цензоров была даже такая специальность – аллюзионист, специалист по намекам, аллюзиям. Любое произведение искусства перед публикацией проверялось на идейную чистоту: а нет ли в нем намека на несовершенство советского строя?

композитора лихорадочно скачет именно в 30–40-х годах. Его вершины – «Леди Макбет Мценского уезда», опера на сюжет Лескова, Пятая симфония, Седьмая (Ленинградская). Одна из самых низких точек этого вообразимого графика – та же «Леди Макбет», очерненная во всех газетах по приказу Сталина в 36-м году. Тогда опера была названа «позорным пятном в истории советской музыки», а вся музыка композитора – «вредительской». Интересно, что в 63-м году кривая успеха взлетит на небывалые высоты, причем с той же «Леди Макбет» под новым именем «Катерина Измайлова». Опера будет с триумфом идти на всех сценах Советского Союза и получит восторженное признание за рубежом!

Ниже всего кривая проваливается в 48-м году – тогда постановлением ВКП(б) буквально была учинена расправа над композитором: разгромлены все его произведения, в том числе и такая любимая всеми Седьмая (Ленинградская) симфония. Шостаковича метят ярлыком «формалиста», а его музыку называют «антинародной», «какофонией», «нагромождением звуков». Новоявленного формалиста увольняют из консерватории и из Союза композиторов, оставляя его буквально без средств к существованию. Начинается «перевоспитание» Шостаковича. Ему приходится «заглаживать свою вину» перед советской музыкой – писать музыку «народную по форме, социалистическую по содержанию», такую как полузабытая оратория «Песнь о лесах» или хорошо известная песня «Родина слышит, Родина знает». Последнюю Марина Сабина, видный исследователь творчества Шостаковича, назвала образцом горь-

тра композитора и ее муж, расстреляны друзья – Михаил Тухачевский, Всеволод Мейерхольд...

...А у дверей всегда стоял наготове чемоданчик со всем необходимым – чтобы, когда настанет его очередь, выйти тихо, не разбудив детей...

Шостакович стыдился своих уступок ненавистному режиму. Не менее он стыдился и своих наград. К авторскому концерту, посвященному собственному 60-летию, стоявшему ему инфаркта, Шостакович написал произведение, полное болезненной самоиронии. Генрих Орлов окрестил его «публичным самонизанием и самоуничижением». Называлось оно насмешливо: «Предисловие к полному собранию моих сочинений и размышления по поводу этого предисловия». В нем композитор дает себе совсем несчастную характеристику, которую заканчивает списком всех своих почетных званий и наград.

Незадолго до смерти Шостакович пишет вокальный цикл на стихи Цветаевой, где певица не поет, а отчаянно, с вызовом выкрикивает последние слова:

Гляди, мол, страна, как молве вопреки
Монарх о поэте печется!
Почетно – почетно – почетно – архи –
Почетно – почетно – до черту!

В последние годы жизни власть окружила композитора почестями – продолжая использовать его как витрину социализма. Но взлеты и падения собственной популярности его уже не трогали – Шостакович служил только музыке. И правде.

Он знал, что жизнь переменчива. И всегда держал чемоданчик наготове.

«Сочиняя тему нашествия, я думал о совсем другом враге человечества. Разумеется, я ненавидел фашизм. Но не только немецкий – ненавидел всякий фашизм»

шей в Нью-Йорке книгой мемуаров Шостаковича, записанных Соломоном Волковым на основе бесед с композитором. Это была настоящая бомба! Получалось, что «верный сын» всю жизнь ненавидел и презирал советскую власть. Его травлили и мучили. Он с ужасом вспоминал свою жизнь, гибель своих друзей и знакомых. Книга была издана во многих странах на многих языках. И не издана до сих пор у нас. Не изда-

Шостаковичу удавалось переигрывать этих специалистов. Он разработал свой тайный язык, состоящий из иносказаний, прямых и скрытых цитат – музыкальных и стихотворных, взятых из своих и чужих произведений.

Был у него и другой прием: он ненавязчиво «подсказывал» цензорам «правильное», лояльное истолкование своих произведений. Мало кто сегодня знает о том,